

Сусанна МАТВЕЕВА

Консервативный либерализм в современной России

Либерал-радикальный проект в консервативной среде

У нас не может быть подлинного, т. е. образцового, классического, либерализма. Ведь само наше общество нелиберально, мы живем в условиях нелиберальной среды. Тем не менее в России уже не в первый раз устанавливается либеральная власть. Каково же содержание этого правящего либерализма в нелиберальной, долиберальной стране?

Картина, открывающаяся сегодня взору наблюдателя, носит запутанный, эклектический характер. А сами действия наших либералов часто ситуативны: они думают одно, говорят другое, а делают третье, причем сделанное постоянно переделывают. Тем не менее принципиальный эклектизм этих течений, постоянные включения в либерализм отнюдь не либеральных тенденций и идей в целом не препятствуют выявлению доминирующих убеждений и установок той или иной группы либеральных политиков. Например, августовская власть установилась как власть либерал-радикалов. Главная задача этой власти состояла в том, чтобы возможно скорее оторвать общество от тех культурных, политических, правовых реалий, которые действовали в нем прежде.

Известно, что радикализм начинает доминировать в моменты крутых ломок. Основная причина его активизации заключена в реакции модернизаторского меньшинства на консерватизм общества, его значимых слоев. Побыстрее перескочить опасную переходную зону, одним прыжком взять рыночный «барьер» — вот цель, которую ставили либерал-радикалы, начиная движение к рынку. Упреки же в жестокости по отношению к населению парировались ими ссылками на укоренившиеся в обществе некачественность работников, неконкурентоспособность выпускаемых товаров и нефункциональность многих институтов, на недостаточную напряженность труда и слабую инициативность, на привычку к социальному иждивенчеству.

Либерализм в России предстает как ценностное векторное понятие. Его нет, но к нему стремятся. Иными словами, либерализм ищут и конструируют, в каждый момент времени сверяясь с мировым опытом. Но стремление к скорейшему овладению либеральной ценностью приводит к тому, что очень часто за нее принимают нечто другое, редуцированное, возможно, являющееся лишь элементом, аспектом подлинного либерализма.

Либерализм в консервативной среде всегда как бы находится в оппозиции, даже тогда, когда он стоит у власти. Он пытается приспособиться к среде, к массовому утилитаризму, редуцируясь подчас до идеи рыночной экономики. При этом игнорируется, что либерализм — это прежде всего *нравственность и философия*, требующие добровольного творческого усилия человека на пути созидательной активности, самореализации, добровольного ограничения собственных прав признанием прав других людей, главенства закона, воплощенного во всеобщности права. В результате усвоения лишь части из общего спектра либеральных идей может оказаться, что, как и прежде (в случае с освоением западной науки и технических знаний), мы заимствуем лишь результат, некое средство, рискуя оказаться затем в положении ученика Чародея. Иными словами, продолжаем практику *чисто утилитарного, инструментального, усеченного освоения мирового опыта*. За современными либералами, так же как и за всеми иными идейными и политическими течениями, стоит историческая память, и это травмированная память.

Патовая ситуация модернизирующегося общества, в которую Россия попала в начале века, тяжесть многоукладной «мозаичности» социальной структуры, желание выйти из своих «анклавов» на более широкие просторы открытого либерального общества заставили либералов поддержать радикальную идею рывка в новое общество. Причем это общество представлялось большинству из них как обладающее всеми необходимыми либеральными достоинствами (не случайно «Вехи» были встречены столь яростной критикой).

В такой ситуации, сочетающей верхушечный элитарный либерализм и мощнейшие архаичные консервативнейшие почвенные пласты, жившие своей таинственной жизнью, общество решилось на радикальный революционный прорыв, обернувшийся, как известно, вовсе не тем, о чем мечтали либералы (и другие, отнюдь не либеральные социальные группы). Сложился *особый третий путь небуржуазной индустриализации, прямого замыкания крестьянской общины на государство, подключения социальной энергии коллективистски-социалистической почвы к локомотиву городской цивилизации*. Сама же практика утилитарного использования мирового опыта в советское время еще больше утвердилась, коснувшись, кстати, и того, что осталось от либералов. Поскольку никаких «анклавов» либерализма, вроде существовавших до 1917 года (либеральные свободы, почти свободная наука и искусство, суд присяжных, путь либеральных реформ, которым следовала власть), естественно, не осталось, либерализм расплылся.

Однако оказалось, что можно утилизировать и лагерную пыль. Тюремные «шарашки», устроенные Л. Берия, — пример подобной тенденции использования отечественного либерального потенциала как резервуара мирового опыта. Горький урок для либерализма в России состоит в том, что радикализм (в любой из своих ипостасей) не конструктивен как средство преодоления массового консерватизма. Постепенно приходит понимание того, что радикализация либерализма ставит цели либеральной модернизации под угрозу срыва; либерализм может быть легко опрокинут напором массового консерватизма.

Типы консерватизма в современной России

Ответом на либерализм в обществе всегда является консерватизм. Но так же, как яд в больших дозах смертелен, а в небольших — способен исцелить, консерватизм не всегда представляет для либерализма грозную оппонирующую силу. Он может, например, удерживать либерализм от

крайностей. И суть дела — в конкретном содержании консервативных тенденций. Для судьбы либерализма в России это вопрос вопросов, ибо соотношение, взаимоотношения, диалог либерализма с консерватизмом зависят от того, какой из многочисленных бытующих на российской земле консерватизмов приобретет большее влияние, предстанет как ведущий в палитре общественных настроений, будет доминировать в социально и политически значимых решениях.

Консерватизм может выступать в разных формах. Радикал-консерватизм, победивший в 1917 году и сумевший в конечном итоге осуществить традиционализирующую модернизацию страны, основывался на нравственности общинно-социалистического типа. Он был антисловесным (что и маскировало его консервативную сущность) и, являясь государственно-нравственным, для осуществления своих целей сумел тем не менее использовать нравственные земледельческие идеалы крестьян о вольной жизни без государства и помещиков. О содержании радикального консерватизма ясно говорят его идеи, утвердившиеся в обществе. Первая идея — представление об обществе как о крестьянском дворе, где все связаны друг с другом родственными отношениями, и одновременно как о фабрике, работающей по единому директивному плану (подобно жестким приказам большака членам своей семьи). Идея эта сегодня потеряла в обществе всякий кредит. Однако вторая идея радикального консерватизма — идея советов — эксплуатируется до сих пор, хотя и она в последнее время все больше попадает под огонь критики.

В целом лишь небольшие группы современных российских коммунистов (например приверженцы Нины Андреевой) по сию пору стойко следуют модернизированным версиям *общинно-уравнительного консерватизма советского типа*. Подобный нелиберальный консерватизм никак не может удержать радикал-либерализм от крайностей, он способен только утвердить его на пути скорейшего разрыва с тоталитарным прошлым.

Тем не менее нелиберальный консерватизм питает разные идеи, к которым либерализм должен постоянно определять свое отношение. От нелиберального консерватизма идут, например, идеи сильного нелиберального государства, небольших производственных коллективов традиционного типа (например артелей), традиционные ценности семьи. Словом, возрождается, и достаточно активно, тот тип консерватизма, который всегда считался *феодальной оппозицией буржуазному либерализму*. Консервативные почвенные силы, те круги зарождающегося национального предпринимательства, которые себя с ним связывают, видят в подобных консервативно-почвенных идеалах альтернативу прошлым социальным и национальным катастрофам. Этот консерватизм, несомненно, имеет значительные шансы на успех и вовсе не всегда сохраняет стиль ретро. В плане государственного строительства здесь иногда возникают идеи, в которых, по сравнению с реализованным в советское время общинно-авторитарным принципом, есть несомненный прогресс. Он состоит в том, что эти идеи базируются уже не на энтропийном принципе всеобщей уравнительности, но на признании необходимости общественной иерархии, на закономерности различных интересов, на задаче их гармонизации со стороны государства, его институтов. Например, «Российские вести» 18 мая 1992 года опубликовали статью заместителя начальника Главного управления по подготовке кадров для государственной службы России Г. Атаманчука, где предлагается на уровне системы местного самоуправления в представительных органах перейти от скомпрометировавших себя бессильных и конфликтных советов к думам, которые составлялись бы из представителей сословий. Есть и другие опыты обращения к национальному опыту царской России.

В целом этот долиберальный консерватизм неоднороден и нуждается в специальном изучении.

В связи с анализом либерализма на первый план, однако, выступает тот факт, что консерватизм, как правило, оппонент либерализма. Это относится и к *общинно-авторитарно-вечевому консерватизму, который хочет связать себя с возрождением аристократических, монархических, сословных традиций*. В то же время эта форма консерватизма, его элементы в снятом, усеченном, преобразованном, модернизированном и ограниченном виде смогут войти в консерватизм иного типа, в тот консерватизм, который можно было бы назвать *либеральным*, т. е. развивающимся на собственно либеральной нравственной основе.

Что такое либеральный консерватизм и консервативный либерализм, есть ли между ними различие? Либеральный консерватизм есть прежде всего *консерватизм*, т. е. консерватизм почвенный, соответствующий нелиберальности, консерватизму широких слоев, но ослабленный, смягченный либеральными элементами. По сути, учитывая, что общество наше в целом нелиберально, только такой тип либерального консерватизма и может у нас утвердиться, по крайней мере, как массовый. Консервативный либерализм — прежде всего форма самого *либерализма*. Его значение резко возрастает в условиях победившего либерализма, когда абстрактные ценности, идеалы либерализма надо постоянно конкретизировать, превращать в программу повседневной деятельности далеких от либерализма людей. Иначе говоря, речь идет о возможности *почвенного либерализма*, т. е. либерализма, нашедшего или, по крайней мере, активно ищущего свою социальную базу.

Консервативный либерализм в долиберальном обществе — некоторый парадокс. Однако он существует и начинает постепенно завоевывать позиции в общественном сознании. По определению, для консервативного либерализма требуется либеральная почва. В долиберальном обществе такая почва может найтись только *внутри самого либерализма*, т. е. ограниченной группы либерально настроенных людей. Это определяет незначительный до сих пор удельный вес консервативного либерализма как оппозиционного течения внутри либерализма, имеющего в своем спектре и либеральный марксизм, и социал-либерализм, и другие формы и виды либеральных течений и идеологий.

Существуют серьезные причины, которые стимулируют развитие консервативного либерализма» Во-первых, инверсионная динамика, которой до сих пор следовало российское общество, требует полярных поворотов. Строго говоря, разочарование в доминировании либерал-радикализма обращает людей к более умеренным стратегиям, т. е. к консервативному либерализму (при условии, естественно, ориентации именно на либеральную позицию и при удержании либералами власти на федеральном уровне). Во-вторых, коллективистское мышление присуще членам нашего общества, отменить это обстоятельство невозможно. Если ранее большинство солидаризировалось с коммунистами, то теперь неожиданно быстро все стали ощущать себя либералами (по крайней мере, многие соглашаются с тем, что они считают либеральными позициями).

Это означает, что общество в целом нуждается в неких объединяющих его идеях, воспринимая их как возможность установления коммуникации, как язык, на котором люди могут разговаривать, договариваться друг с другом. Следовательно, возможен и общий поворот к консервативно-либеральным ценностям (мак это ни невероятно). Если правящая элита будет заинтересована в утверждении более умеренной политики (а она начинает интересоваться ею как только перестает бояться утратить власть), если различные элиты нашего общества сумеют договориться между собой — при том, что средства массовой информации будут

транслировать консервативно-либеральные взгляды в достаточном объеме,— открывается путь распространения и утверждения консервативно-либеральной идеологии. Собственно говоря, общество упорно ищет подобную идеологию, ибо — и это в-третьих — российское общество долго было и еще очень долго будет консервативным. Все дело лишь в одном, чтобы оно стало *не просто консервативным, но консервативно-либеральным*, иными словами, сохранило реформистский потенциал, стремление продвигаться по пути к либеральным ценностям, не «свалившись» при этом в один из бесчисленных вариантов радикализма.

Я полагаю, что это могло бы стать общим желанием.

Консервативный либерализм: содержание и функции

Анализ литературы и различного рода документов, имеющих отношение к современному либеральному движению в России, позволяет сделать вывод о том, что в стране формируется консервативно-либеральное движение, опирающееся на множество разрозненных тенденций, ориентированных в этом направлении. Их можно видеть как в деятельности различных либеральных групп, так и в публицистике и научной литературе. Консервативно-либеральную тенденцию можно реконструировать по различным источникам. В результате выявляется достаточно последовательная, хотя во многих пунктах и недоработанная, недоуманная система представлений консервативного либерализма.

Консервативный либерализм—оппонент и противник радикального либерализма, но *в рамках самого либерального движения, в рамках основных либеральных идей и представлений*. Оба этих направления объединяет прежде всего желание вывести Россию из промежуточного состояния между традиционной и либеральной цивилизациями, способствовать формированию в стране общества либерального типа. Оба они для решения этой задачи пытаются сделать ставку на народную инициативу, на стремление людей к предпринимательству, на возрастание роли личности. Оба направления нацелены на осуществление модернизации, на создание в конечном итоге правового государства и гражданского общества, оба ориентированы на идеалы свободы и демократии.

В то же время существует ряд важных расхождений между радикальным и консервативным либерализмом. Прежде всего они касаются отношения к народной почве, к массовому сознанию и деятельности людей. Если радикальный либерализм характеризуется стремлением *преодолевать массовый почвенный консерватизм* с использованием широкого диапазона средств, от материального и морального стимулирования до прямого административного воздействия на людей, то для консервативного либерализма характерен прежде всего *страх перед почвенными силами*, нежелание прибегать к административным мерам воздействия на значительную часть населения, признание (со ссылками на опыт отечественной истории) неспособности решить сложнейшие вопросы современности административными методами. Если либеральный радикализм обращается к людям главным образом на языке *рационализма*, доказывает неизбежность, необходимость тех или иных мероприятий, жертв, терпения, то консервативный либерализм, не отрицая полностью этих методов, считает, что прежде всего необходимо сохранить большинству народа определенное *психологически комфортное состояние*. Последнего можно достичь совсем не рациональными средствами, а, скорее, созданием некоторой спокойной атмосферы, преодолением факторов, которые раз-

дражают массы людей и способны при ухудшении ситуации спровоцировать опасные массовые действия.

Важное отличие лежит в сфере *отношения к государству*. Радикал-либералы предрасположены к преуменьшению роли государства, они возлагают надежды на спонтанные процессы в обществе. Консерваторы-либералы склонны полагать, что в России, где все значимые проблемы решались через государство, посредством государства, быстрый отказ от его функций неизбежно приведет к катастрофическим результатам. Они считают необходимым обеспечивать государственное регулирование, хотя и с четко определенным перечнем направлений. Государство для них выступает также гарантом стабильности в международных отношениях внутри страны, что контрастирует с радикал-либеральной абсолютизацией идеи суверенизации, вплоть до местных органов власти.

Особенно остро встала сегодня проблема роли и места государства в экономической деятельности. Радикал-либералы считают, что общество в этой сфере уже созрело для рынка, демократии, для создания правового государства, для превращения общества в постиндустриальное и т. д. и т. п. Если до сих пор это не было реализовано, то лишь потому, что потенциальные возможности общества были задавлены политическими средствами. Просто нужна честная либеральная власть, которая уничтожит все остатки тоталитаризма, нелиберального авторитаризма, административной системы, и в сравнительно быстрые сроки все (или по крайней мере некоторые) благородные идеалы будут воплощены. Средства же для реализации подобных планов могут быть различными, и не последняя роль среди них отводится принуждению. Например, российский министр юстиции считает, что правительство может проводить реформы в обществе, которое, «по всей видимости, их отвергает»¹. Консервативно-либеральный взгляд оценивает подобные воззрения как очередную утопию. Для него достижение правового государства, рынка и т. д. — более далекая цель, тогда как непосредственной задачей является формирование ее предпосылок. Консервативно-либеральный подход состоит в том, чтобы искать средства и пути, выявлять соответствующие силы, которые помогут создать механизмы реализации либеральных целей.

Радикал-либералы отрицают всякую возможность замены демократической системы авторитарной, хотя практически достаточно часто прибегают к авторитарным методам. В противоположность им либералы-консерваторы считают, что нарастание неудач реформаторов делает в высокой степени вероятным приход к власти авторитарных лидеров, поэтому необходимо всеми силами готовиться к такой возможности. Подготовка эта должна заключаться в том, чтобы пытаться *избежать авторитаризма на антилиберальной основе*, допуская авторитаризм, отстаивающий либеральные ценности, т. е. в максимальной степени превратить авторитаризм в орудие и средство углубления либерализма, в частности развития рыночных отношений, борьбы с монополизмом в экономике, во всех сферах общественной жизни.

Существенное отличие двух рассматриваемых направлений складывается в сфере *отношения к экономическим реформам*. Радикальный либерализм склоняется к макрореформам. Быстрые и глубокие, они должны одновременно охватить максимально возможное число аспектов. Консерваторы-либералы тяготеют к осторожным, медленным реформам, включающим прощупывание реакции общества на каждый шаг, склонность к активизации прежде всего мелкого бизнеса, массовых низовых форм хозяйственной деятельности и т. д. Различие также состоит в том, что радикальный либерализм пытается опереться на развитые формы хо-

¹ Федоров Н. Остаюсь бороться. «Российские вести», ноябрь 1991, с. 2.

зайства, на уже существующие формы либерального общества (которые, однако, в действительности могут быть псевдолиберальными, псевдоэкономическими), тогда как консервативный либерализм согласен иметь дело с предпосылками либерализма, возможно отдаленными, от развития которых можно ожидать возникновения очагов, благоприятных для «простария» либерализма.

При переходе к рынку консервативно-либеральная позиция состоит в том, чтобы максимально ориентироваться на сложившиеся хозяйственные объекты, не допускать разрушения эффективных или необходимых производств. Приоритетность органического развития проявляется и в предложении варианта реформ, развиваемых согласно задаче имитации исторической логики складывания рынка, в частности формирования его, начиная с торговли, с укрепления мелкого и среднего предпринимательства, с подъема сельского хозяйства, отраслей, хранящих и перерабатывающих продовольственные товары, с производства строительных материалов и т. п.

Обращает на себя внимание точка зрения, развиваемая В. Найшулем, который противопоставляет свою позицию как «истинно либеральную» «либералам мнимым». Первые «защищают интересы своих ведомств на основе норм обычного права», тогда как вторые «чтят только то, что написано на бумаге, и не обращают внимание на неписанные законы»². Найшуль считает, что в хозяйстве страны, начиная с брежневских времен, произошли значительные сдвиги, в результате которых административная торговля вместе с бартером стали составлять основы межпроизводственных отношений. Псевдогосударственная собственность «ведомственного типа» начала переоформляться в региональную. Найшуль исходит из существования исторически сложившегося обычного права, из которого путем ненасильственного дерегулирования должно произрасти дальнейшее развитие рыночных отношений. Препятствием является нежелание считаться с обычным правом, о котором реформаторы, общество ничего не знают.

Здесь нет возможности анализировать эту точку зрения по существу. Но обращает на себя внимание прежде всего исключительно напряженное внимание к реальности, что так нехарактерно для российских реформаторов с их ориентацией на нормативный идеал. *Именно во внимании к реальности, сочетающемся с поиском ненасильственного выхода из кризиса заключается важнейший исходный элемент консервативного либерализма.* Тем не менее в подходе Найшуля есть и настораживающий момент. Обычное право, выросшее из феодальных (а возможно, и дофеодальных) рентных отношений, содержит в себе определенный рыночный потенциал, который следует стимулировать. Но наши традиции содержат в себе также мощное стремление к монополизации во всех точках общества. И, что особенно важно, стремления разных типов монополистов находятся в непримиримом противоречии. Противоречия различных монополистов чреваты растрачиванием их энергии на борьбу друг с другом, в ходе которой реальное развитие рынка отстывает на второй план. Борьба между монополистами состоит в постоянном переходе от господства центральной власти к ведомственной, от ведомственной — к региональной, от региональной — к колхозной, заводской и т. д. Тем самым игнорируется абсолютно необходимая для либерализма функция защиты общества от безразличной к его судьбе борьбы монополистов между собой, ибо монополизм на каждом уровне способен нести в себе заряд консерватизма, возможно весьма далекого от либерального.

² Найшуль В. А. Либерализм и экономические реформы. «Мировая экономика и международные отношения», 1992, № 8, с. 78.

Из этих расхождений возникает разное отношение к скорости проводимых реформ. Если радикальные либералы требуют моментальной реформы, быстрого прохода опасной переходной зоны, то либералы консервативного толка считают, что быстрые изменения, во-первых, приведут к разрушению существующего порядка, который при всех его недостатках все-таки позволяет избегать хаоса, распределять ограниченные ресурсы прежде всего в соответствии с массовыми представлениями о справедливости, следовательно, сохранить порядок даже при значительном истощении ресурсов. Кроме того, они считают, что быстрая попытка построить рыночную экономику в наших условиях обречена на неудачу, возможно катастрофическую по своим последствиям, так как результатом форсированного создания рынка может стать контрреформа, способная опять забросить общество на какое-нибудь историческое бездорожье.

Существенным отличием между двумя формами либерализма является отношение к проблеме *самобытности России*. Эта проблема близка традиционному консерватизму, тяготеющему к консервации отсталости, имперскому шовинизму и изоляционизму, а теперь еще и к красно-коричневым вариантам. Традиционный консерватизм осмысляет ее за рамками рационального знания, трактуя как божественный промысел, судьбу, рок, тайну, вневременную универсальную сущность России, мистику общей судьбы. Либерал-радикалы избегают данной темы, не признавая, что таковая в принципе существует или заслуживает особого внимания. Консервативные же либералы признают ее существование и предлагают решать как научную проблему специфики общества, вполне познаваемую, рациональную, более того — *могущую быть доведенной до операционного уровня*, что потребует многосторонних усилий представителей разных наук, прежде всего историков, социологов, этнографов, психологов и экономистов. При этом они исходят из предпосылки, что сама консервативная традиция иррационального взгляда на самобытность России, как и вытекающая из нее концепция особого пути общественного развития страны, — лишь свидетельство недостатка научных знаний о предмете, т. е. о специфике общества, и, соответственно, низкого профессионального уровня принимаемых решений, вынужденных опираться на метод проб и ошибок, на хаотический поиск наугад. Неподкрепленность практического опыта теорией, их оторванность друг от друга, считают консервативные либералы, обуславливают относительно низкий уровень самосознания общества. Они постоянно работают над изучением и осмыслением почвенных традиций, внимательно анализируют массовые процессы, историю развития крупных социальных, социокультурных групп, прежде всего крестьянства до 1917 года, сельских мигрантов первой половины XX века, основных социальных групп современного российского общества, их ценностей и интересов.

С таким подходом тесно связано отношение к зарубежному опыту. Консервативно-либеральная позиция состоит в *избирательном отношении к опыту западных обществ*, использованию лишь того, что отвечает органически сложившимся потребностям страны. Например, возможно, в наших условиях мог бы оказаться полезным опыт программ общинного развития, апробированный в странах третьего мира, он не требует больших вложений капиталов и не амбициозен. В то же время бездумное перенесение самых прогрессивных образцов мирового опыта, если нет условий для их освоения, оценивается негативно. То же самое относится к теории либерализма. Даже наиболее прогрессивные ее достижения признаются для условий нелиберальной среды утопичными. Показывается, что и движения с благородными и позитивными целями могут в определенных условиях

изменять свое реальное содержание, направленность, приобретая традиционалистские смыслы и ориентацию (например некоторая часть экологических движений в отечественных реалиях).

Ценность радикального либерализма заключается в том, что он пытается *соединить опыт мировой культуры, опыт наиболее развитых стран с проблемами нашей страны*. Ценность консервативного либерализма — в другом: он пытается *проработать либеральную парадигму, ее основные идеи и принципы на почвенном материале*, с учетом конкретных нравственных идеалов, исторически сложившегося регионального, культурного и профессионального опыта.

Если попытаться более четко сформулировать специфику либерально-консервативного крыла, то следует признать, что она заключается в стремлении *воплотить либеральные идеи через обращение к массовым ценностям*, опираясь на те или иные тенденции, которые существуют или только назревают, пытаясь стимулировать эти тенденции среди различных социальных групп. Оба крыла либерализма находятся перед серьезными (хотя и разнонаправленными) проблемами.

Консервативный либерализм стоит перед опасностью *растворения в почве*, следовательно; потери своего либерального потенциала. Радикальный либерализм стоит перед опасностью полного *отрыва от почвы*, превращения в чисто доктринерское движение группы интеллектуалов и тем самым потери возможности реального влияния на ход событий в обществе. Только диалог, *постоянное взаимное стимулирование* этих двух направлений либерализма позволят им сохранить либерализм как реальную силу, избежать капитуляции, с одной стороны, перед антилиберальными силами, а с другой — перед опасностью отрыва от массовой социальной базы. Четкое оформление этих двух направлений, и прежде всего консервативного крыла либерального движения, установление между ними постоянного диалога дают надежду на углубление понимания отечественных проблем и *выработку реалистической либеральной программы*, имеющей разумные шансы на реализацию в России.

Основное противоречие либерализма в России

Победа либералов в России как реакция на господство антилиберального режима, как попытка общества найти новый нравственный идеал, новую нравственную основу для объединения общества имеет свою слабую сторону. *Либерализм победил на уровне ценностей, языка, но он не был проработан на всех уровнях общества, на уровне массового сознания*. Либерализм не стал основой повседневного содержания культуры, образа жизни, социальных отношений, всей воспроизводственной деятельности общества, включая хозяйственную.

Практически это означает, что победа либеральных ценностей создала лишь *определенную исходную предпосылку* для перехода к либеральной цивилизации, для деятельности общества, каждого человека. Этот высший ценностный уровень может «повиснуть в воздухе», оказаться абстрактным с точки зрения назревших проблем.

Общество находится под постоянной угрозой того, что решение сложных проблем на хозяйственном, политическом, культурном уровнях в масштабе регионов, ведомств, партий, различного рода групп и т. д., несмотря на определенную либеральную эйфорию, будет

постоянно страдать из-за недостаточной проработанности либеральных идей и ценностей в практической деятельности и в культуре. В результате, решая любые сложные проблемы, оно неизбежно будет склоняться к иным ценностям, к культурным образцам нелиберального типа. Практически это означает, что либерализм как господствующая нравственная система находится под постоянным критическим нажимом, исходящим буквально из каждой точки общества, что под покровом либерализма в действительности скрыты иные, возможно нелиберальные и даже антилиберальные, пласты культуры. *Либеральный язык может оказаться прикрытием для антилиберальных решений*, что в конечном итоге угрожает самому существованию либерализма.

Фактически в стране сложилась весьма странная ситуация, когда внешне может создаться впечатление, что существует полное единодушие на либеральной основе. Однако за видимым согласием таятся *несущие конфликт различия, затушеванные общей приверженностью лозунгам либерализма*. Например, в рабочем движении, «с одной стороны, сторонникам радикальных реформ было как-то непривычно до конца формулировать свои взгляды, а с другой — ратуящим за возврат государственного социализма еще как-то неловко было открыто об этом заявлять»³. Постепенно в результате накопления проблем эта «непривычность» проходила, поддаваясь ранее сложившимся стереотипам решения проблем. Господствующая в обществе форма либерализма стала подвергаться эрозии, воспринимая антилиберальные идеи и ценности. Важность отмеченного процесса заключается в том, что общество *неожиданно для себя может оказаться во власти идей, далеких от либерализма*. Это не противоречит тому, что сегодня практически все течения в той или иной форме или степени пользуются либеральными лозунгами и либеральной лексикой (как это, впрочем, было и в период власти либералов между февралем и октябрём 1917 года).

Здесь следует выделить два процесса. Во-первых, в рамках либерализма выдвигаются идеи, отходящие от радикального либерализма. Во-вторых, возникает вероятность появления «тройского коня», проникающего внутрь либерализма и превращающего его в свою противоположность, в антилиберальный консерватизм. Эти различные по сути и даже противоположные возможности в действительности могут эклектически сочетаться в одних и тех же документах, у одних и тех же людей.

Например, первый вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, один из лидеров «Гражданского союза» А. Владиславлев противопоставил радикальному либерализму точку зрения, согласно которой экономическую реформу следует проводить, опираясь на сохранившиеся национальные, психологические и культурные черты народа⁴. По сути, подобная позиция может рассматриваться как отход от радикального либерализма к консервативному с его стремлением формулировать свои идеи на основе постоянного анализа массовых ценностей, настроений, чтобы иметь постоянную опору в реальных почвенных силах. В программе «Гражданского союза» предусматриваются необходимость государственного стимулирования предпринимательства и производства, органическое сочетание макроэкономического преобразования с микроуровнем, дифференциация подходов к развитию государствен-

³ Гордон Л. Кризис рабочего движения будет углубляться. «Общественные науки и современность», 1992, № 5, с. 8.

⁴ См. Владиславлев А. П. Контуры гражданского согласия. «Независимая газета», 25 сентября 1992.

ного и негосударственного секторов экономики. Предполагается поддерживать государственно-регулируемую экономическую систему, сочетая эту поддержку с плавным переходом к рынку, с разделением финансовой системы государства и финансов предприятий и т. д.⁵ Эти и другие элементы программы резко противостоят крайностям радикального либерализма с его стремлением ввести рынок лишь простым разрешением торговать, проповедями беспредельного разгосударствления и т. д.

Однако на основании данных заявлений было бы преждевременно видеть в «Гражданском союзе» воплощение консервативного либерализма. Само обращение к государству как к главному спасительному средству несет в себе различные, в известном смысле противоположные возможности. Одна из них характеризуется рассмотрением и использованием государства как орудия и средства укрепления и стимулирования демократии, рынка, поддержки очагов прогресса, распространения их влияния на все общество. В то же время ориентация на государство как на главную опору может привести к сохранению долиберальной системы хозяйства, основанной на принудительном распределении и перераспределении ресурсов. Государство может в той или иной степени упорядочить распределение ресурсов, но, как показывает опыт, не в состоянии сделать производство более эффективным, повысить качество, увеличить количество производимых ресурсов, преодолеть самопожирание, саморазрушение хозяйства.

Все проблемы заключаются в том, что *перенос центра тяжести на административные меры несет в себе опасность антилиберализма*, является попыткой сохранить и, возможно, усилить организационную базу авторитаризма. Создается основа для возврата к господству авторитаризма, способного стать средством, орудием формирования рынка, демократии. В принципе такой путь для России — движение по острию бритвы, ибо постоянно возникает опасность свалиться либо к радикальному либерализму, либо к антилиберальному консерватизму.

Различия между радикальным и консервативным либерализмом на определенном этапе могут носить скрытый, потенциальный, трудно различимый характер. Однако в процессе решения конкретных проблем эти движения делаются все более явными. Возможно, скрытая, нерелектрированная борьба между двумя формами либерализма несет в себе опасность превращения в борьбу либерализма и самых крайних форм антилиберального консерватизма. Не следует забывать, что Россия имеет мощные традиции борьбы с либерализмом. Гражданская война 1918—1921 годов, в основе которой лежала борьба сил уравнительности против сил, воспринимавшихся как угроза его основам, велась прежде всего против либерализма. Сегодня эту антилиберальную силу можно видеть не только в программах антилиберальных партий (от коммунистических до профашистских), но и в борьбе крестьян против фермеров, во всех попытках сохранить, укрепить порядок, парализующий частную инициативу, развитие рыночной экономики.

* * *

Вершина «конуса» вариантов российского консерватизма, прочерченная мной, чтобы выделить из общего числа консерваторов ту их часть, которая соединяет реалистичность в видении сегодняшних проблем с либеральными ценностями, еще недавно казалась совсем маленькой точкой среди многообразных и более заметных направлений, властно и нередко агрессивно заявляющих о себе в общественной жизни. Сегодня,

⁵ «Тринадцать пунктов программы Вольского». «Известия», 30 сентября 1992.

когда влияние консервативно-либеральной тенденции существенно усиливается, все-таки пока нет партии, последовательно выражающей консервативно-либеральную позицию., Нет научной, политической, правовой теории, проекта или практического руководства, на которое можно было бы опереться в выработке пригодной к проведению в жизнь консервативно-либеральной платформы. Не появилось пока произведения искусства, воплотившего существо этой позиции в художественной или публицистической форме, чтобы привлечь к нему всеобщее внимание. Нет, наконец, авторитетного, признанного обществом лидера, который мог бы повести бывший советский народ этим путем. И тем не менее консервативно-либеральная позиция — не фантом, не идеальный аналитический конструкт, рожденный в голове теоретика.

Это — реальная, набирающая силу социокультурная тенденция, имеющая и культурные, и социальные корни. Как тенденция, оппонировавшая, конкурирующая с либеральным радикализмом, она имеет шансы на успех (хотя в российских условиях является более трудной позицией, ибо труден путь срединной культуры и срединных стратегий в радикальной стране). Сейчас консервативно-либеральная тенденция находится в диффузном состоянии. Это значит, что ее отдельные элементы — идеи, убеждения, ценности и идеалы, образцы решения тех или иных проблем, разработка возможностей и путей реализации фрагментов консервативно-либеральных стратегий — возникают в различных областях повседневности, в производственной деятельности, политической жизни, проходя испытание на прочность в реальных жизненных ситуациях нашего пост-тоталитарного общества.

В России вообще отсутствует четкое программное размежевание партий. Традиционное деление на левых и правых фактически скрывает членение на либеральных и антилиберальных консерваторов. Поэтому изучение консервативного либерализма целесообразно вести не столько по пути выделения партий именно такого рода, но по пути фиксации соответствующих аспектов во многих партиях, движениях, документах, в публицистике и даже в научных исследованиях.

Критерием консервативного либерализма является стремление к поиску почвенного либерализма или его предпосылок, реальных сил, которые могли бы формировать (непосредственно или опираясь на поддержку государства) очаги экономической инициативы, конструктивной хозяйственной деятельности, стимулировать активизацию демократических ценностей, ответственности людей за решение сложных проблем и т. д. О консервативном либерализме можно говорить лишь там, где речь идет не о попытках подчинить общество некоторой умозрительной идее, но прежде всего о выработке способности общества совершенствовать формы своего диалога с личностью. Содержанием такого диалога и является реальное формирование элементов либерального общества, его предпосылок.

Обе рассматриваемые формы либерализма (радикальный и консервативный) опираются на единое культурное основание. Это означает, что между ними нет непроходимой стены: они сходятся в целях, но разнятся в средствах и оценке условий. Чтобы превратиться в реальное культурное основание массовой деятельности людей, абстрактный радикальный либерализм должен постоянно конкретизироваться, прорабатываться на всех формах деятельности в обществе — от хозяйственной до искусства и политики. Такая конкретизация в условиях господства массовых долиберальных ценностей неизбежно переходит в консервативный либерализм. По сути, это единственный выход для либерализма в России, если его носители хотят сохранить верность

либеральным ценностям и одновременно реализовать их в значимых масштабах.

Организационная неформленность консервативного либерализма способствует тому, что сегодня его элементы существуют разрозненно в разных сферах жизни общества. Их можно видеть прежде всего в науке, политике, в деятельности партий и профсоюзов. Те или иные элементы консервативного либерализма присутствуют в широком спектре партий и движений, особенно у Демократической партии России, Народной партии «Свободная Россия», Республиканской партии России, у других либеральных и даже социалистических партий. Их можно выделить также у демопатриотов и демокоммунистов. Очевидно, было бы крайне важно выявить эти элементы в каждой из указанных областей, в партиях и движениях, проследить внутренние связи либерально-консервативных элементов во всех указанных структурных звеньях. Это, несомненно, помогло бы консервативному либерализму осознать себя как особую тенденцию, имеющую определенные функции в либеральном движении.

Как естественный и органичный, я бы даже сказала неизбежный, оппонент либерал-радикализма консервативно-либеральная тенденция сегодня развивается и будет укрепляться, питаемая естественным желанием нормальной спокойной жизни. Однако этой тенденции будут постоянно противостоять, с одной стороны, доктринерство тех или иных концепций, последовательное проведение которых в России утопично, с другой — свойственное нашему обществу массовое стремление к крайностям при решении сложных проблем, желание во всех бедах видеть персоналистское содержание, козни врагов, подлежащих истреблению.

В качестве обнадеживающего момента можно рассматривать сам факт определенного отхода правительства Б. Ельцина — Е. Гайдара от прямолинейности односторонней монетарной политики, хотя здесь нет места вдаваться в содержательную оценку этих действий. Обнадеживающим является также то, что, несмотря на тяжесть ситуации, в массах популярны лозунги безответственных экстремистских групп, провоцирующих беспорядки, и в конечном итоге их призывы решать проблемы разрушительными радикальными методами.

Потенциал консервативного либерализма следует искать также в среде интеллектуалов, для которых критическая позиция (и либеральные ценности) предстает как почти единственно нравственно оправданная. Позицию консервативного либерализма — и это самое главное — будут отстаивать профессионалы в разных сферах деятельности. Ученые, которым надоела вечный романтизм и утопизм верхнего революционаризма. Руководители предприятий, для которых открывшиеся возможности предпринимательской деятельности не есть отказ от нравственных принципов и означают не только условия для зарабатывания «хороших денег», но и дело, возможность созидания, производительного труда и самореализации. Серьезные мужчины и женщины, нравственные и деловые качества которых не позволяют им смешивать работу с жульничеством, пиратством и воровством. Наконец, консервативно-либеральная позиция может найти поддержку и выражение в крупных социальных группах, ибо порядок, закон, нравственность, стабильность и развитие — ценности, которые поддержит любое сообщество.

Конечно, консервативный либерализм в достаточно широких масштабах возможен лишь в условиях развития соответствующего социального субъекта, все того же среднего класса, массового слоя собственников, предпринимателей и т. д. Дело это долгое. Быстрее создаются теории.

Но и появление консервативно-либеральных экономических, политологических, философских и прочих теорий могло бы способствовать упрочению идейного влияния консервативного либерализма в обществе, в конечном итоге созданию не реакционного, общинно-феодалного, но нормального *либерального почвенничества* (для начала хотя бы на уровне теории). Тогда, наверное, легче было бы появиться и нормальной консервативной политической партии, и массовому движению, которые сдерживали бы радикальные тенденции от срыва в никуда и придавали бы устойчивость долгому и трудному продвижению общества по пути реформ.